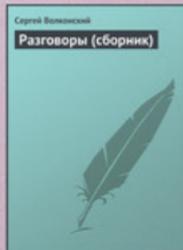

Сергей Волконский

«Разговоры»

*Часть сборника
Разговоры (сборник)*

Сергей Михайлович Волконский

«Разговоры»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22811241

Аннотация

«– Позвольте, ну чем, например, связаны?

– Мозгом, из которого они вышли. Если вы будете брать мысли, так сказать, разбежавшиеся, вы их никогда не свяжете в пучок. А вы берите их в момент рождения. Чем связаны два брата?

– Так что это – семья?

– Разношерстная, но с сильным отпечатком фамильного сходства...»

Сергей Волконский

«Разговоры»

Брату Петру

– О чем?

– Обо всем.

– Ну, как же обо всем?

– Обо всем, о чем я в то время думал.

– В какое время?

– Пока писал.

– А когда вы писали?

– В прошлом сентябре и октябре.

– В два месяца?

– Что – в два месяца? Книгу? Книгу в один месяц... Что вы смотрите. Хвастаюсь? Ну, конечно, я не скажу, что «в один вечер», или там... «Юрий Милославский»... «Барон Брамбеус», а все-таки «у меня в мыслях легкость необыкновенная».

– А в суждениях?

– Боюсь, что не меньше вашей.

– Это было бы трудно.

– Я знаю. Читатели всегда солидны, только авторы бывают легкие.

– Нет, все-таки, что же у вас в «разговорах»? По заглавиям

не видать.

– По-моему, отлично видать.

– Так я не про содержание, я про связь. Какая связь между предметами разговора?

– А разве может не быть связи? Между мыслями разве может не быть связи? Мысли всегда связаны.

– Позвольте, ну чем, например, связаны?

– Мозгом, из которого они вышли. Если вы будете брать мысли, так сказать, разбежавшиеся, вы их никогда не свяжете в пучок. А вы берите их в момент рождения. Чем связаны два брата?

– Так что это – семья?

– Разношерстная, но с сильным отпечатком фамильного сходства.

– В чем же сходство, если мысли разношерстные?

– В тех неуловимых причинах, которыми обуславливается их чередование.

– Мышление?

– Приемы мышления.

– Так это автопортрет?

– Нисколько. Какой же автопортрет, когда разговор. Ведь для разговора нужны двое... по меньшей мере.

– Да, но обыкновенно в «разговорах» одна чаша весов перетягивает другую, и это всегда та, на которой уселся автор.

– Нисколько, полное беспристрастие.

– А кого же вы больше любите из ваших разговариваю-

щих?

– Больше всего люблю моего приятеля и собеседника в первых двух и последних трех «разговорах».

– А вот я вас и поймал: вы говорите *ваш* собеседник. Значит, другой-то вы сами, автор?

– Так этого я не скрываю, а только я говорю, что в изображении я не гну в свою сторону. Обыкновенно в диалогах один умный, а другой – идиот, и идиот только для того существует, чтобы идиотскими вопросами вызывать на умные ответы.

– А у вас?

– Приятель, о котором я говорю, никогда не менее умен или менее блестящ, чем я сам.

– Однако вы скромны, как я послушаю.

– А разве я сказал, что я умен, блестящ? Я про себя и не говорил, не говорил, потому что думал, что это вам неинтересно. Но если хотите знать, то я вам скажу, что я считаю свои способности... очень средними; но только я говорю, что способности моего приятеля-собеседника не ниже средних. Я никогда не пользовался моим авторством, чтобы топить моих собеседников, а если иной раз в спорах я и присуждаю себе победу, то согласитесь, что это весьма невинное баловство. Но и в самых горячих спорах, уверяю вас, сохраняю равенство оружия, – тупятся мечи, но тупятся зараз.

– Ну хорошо, а чем же ограничено время вашего писания? Вы говорите, месяц писали?

– А чем ограничивается время?

– Время?.. Звуком...

– Ого, да вы, кажется, и впрямь солидный читатель. Конечно, звуком делится, значит, и ограничивается. Но я хотел сказать: что ставит вехи, по каким верстовым столбам можно определять место своего временного нахождения?

– Верстовые столбы – события.

– Ну вот, и тут два «события», хотя и совсем не одинаковой ценности. Первая общая репетиция «Живого труппа» в Художественном театре, значит – середина сентября, и один Вечер художественных танцев, который имел место в зале Московской консерватории 18 октября. Последний «разговор» написан через два дня. Вы видите, – как раз месяц.

– А вы мне сказали, что как раз этот месяц вы были в разъездах?

– Вот именно: самое лучшее условие для писания. Ведь я пишу на машинке – в вагоне на коленях...

– Но все-таки я вижу как будто некоторое несоответствие...

– Между чем?

– Между заглавиями.

– И содержанием?

– Содержанием – не знаю, ведь я не читал.

– Так между чем же?

– Между самими заглавиями.

– Не понимаю.

– Ну, «Былое», например, что такое? Вероятно, воспоминания?

– Из семейной хроники.

– А «Приемный день»?

– Так, светская дребедень.

– Ну вот видите. И вам не неловко ставить семейные воспоминания рядом с дребеденью?

– Почему? Если они так удобно уживаются в моем мышлении, то почему же им не ужиться на смежных страницах?

– Да как же смешивать вымысел с личными воспоминаниями? Одно – вы, а другое – не вы.

– Вот это и неверно: все – я.

– Пережитое?

– Ах, нет, только не «автобиография».

– И не автобиография, и не автопортрет, а между тем вы говорите, что это вы. Что же тогда?

– Автоноэграфия.

– Это что же такое?

– Самомыслеписание.

– Ну и сочиняете же вы слова.

– А что мне делать, когда вы по-гречески не понимаете.

– Да вы и греческое-то, наверно, сами сочинили.

– Лучше для случая сочинить греческое слово, чем при каждом удобном или, вернее, неудобном случае коверкать русскую речь.

– Ну да, это, я знаю, ваш конек. Вы ведь протестовали против употребления слова «обязательно»...

– Там, где нет элемента обязанности? И продолжаю протестовать. Когда подсудимого на суде председатель спрашивает: «Что вы его, чем ударили? Ножом?», а тот отвечает: «Обязательно ножом-с», – то согласитесь, что такое понимание обязанности заслуживает протеста.

– Вы также протестовали против «одевать пальто...»

– Вместо «надевать»? И продолжаю протестовать, и против пальто, и против рубашки, хотя один учитель и утверждал, что пальто, действительно, «надевается», но что нижнее белье «одевается». Я продолжаю «надевать» и то, и другое.

– Знаете, я думаю, что все эти «надевать», «обязательно» – все это тонкости, которых никто не замечает.

– Что их не замечают, с этим согласен, но как вы можете называть тонкостями?..

– Называю тонкостями языка.

– А я называю грубостями слуха. Уши наши грубы, вот о чем скорбеть надо, а тому, что дивный наш язык тонок, этому надо радоваться. Человек создал язык, но и язык создает человека. Тонкий инструмент мышления, он не может не иметь обратного действия на того, кто им пользуется. Я думаю, что и вы очиненным карандашом будете лучше рисовать, чем тупым. Наши предки нам передали дивный, тонкий, тончайший карандаш, а мы его тупим, находим, что он

для нас слишком тонок? И станет тонок; его очинили изгибы чужого ума, а наш ум этой тонкостью не хочет пользоваться? И зарастет. Вы не замечаете, что зарастают наши умы? Вы понимаете, к чему ведет непользование орудием, непользование каким-нибудь органом? Атрофия знаете что такое? На одном острове Полинезии были жуки такие крылатые; они летали, а ветром их уносило в море; так они стали воздерживаться от летания; через несколько поколений уже воздерживаться не пришлось – крыльев не было, так, болтались плавники какие-то. Вот и мы утратим способность летать.

– Язык – живой организм, от развития его не удержите никакими педагогическими приемами.

– Искажение не есть развитие.

– А по-моему, искажение – такой же рост, как и совершенствование.

– Так за правильностью роста должен быть надзор.

– Что ж, отдать язык в исправительное заведение?

– Хотя бы. У нас есть Академия. Следила бы за живою речью, за тем, что вы называете «ростом»; издавала бы бюллетени, в которых бы пригвождала на черную доску такие позорные проявления «роста», как «одевать пальто» или «анкета». Знали бы люди, от чего воздерживаться. Ватикан издает *Index librorum*, список запрещенных книг, – это быш бы *Index verborum*, список запрещенных слов. А у нас только сокрушаться умеют.

– Послушайте, вы проповедуете насилие.

– Какое насилие? Предоставляется всякому. Но по крайней мере будут люди знать. Вы в жизни больше «насилий» делаете. Если у вас нарядный вечер, а к вам придет человек в смазных сапогах, не думаю, что вы его в гостиную примете.

– Не приму, но и не буду на него фрака напяливать.

– Но и сами не променяете фрак на смазные сапоги?

– Нет, потому что мне во фраке удобнее.

– Ну вот вы и сказали слово. Надо, чтобы всем стало *неудобно* говорить «анкета» вместо «опрос», «ангар» вместо «сарай», «обязательно» вместо «непременно», «мерси» вместо «спасибо» и «комфортабельно» вместо «удобно». А смазной сапог в гостиную не пускать.

– Ну знаете, говорить против смазного сапога!..

– Я не в классовом смысле. Пожалуйста! Я в смысле эстетической оскорбительности. А в смысле классовом, то есть в смысле родителя новых обогачений, помилуйте, не только смазной сапог, но и лапоть приветствую, даже лапоть больше сапога, потому что он ближе к корню и дальше от того, что именует себя «интеллигенция». Разве не драгоценнее, когда крестьянин вам говорит, что нашатырный спирт «душу затыкает», чем когда «интеллигент» вам заявляет, что он на «аммониачные соли реагирует спазмотическими сжатиями трахеи»?

– Мы, кажется, далеко ушли от предмета разговора.

– Если не ошибаюсь, предметом разговора были «разговоры»?

– Ну да, вот именно.

– Нисколько не ушли. Я же вам сказал, что мои «разговоры» обо всем. И как раз обо всем том, о чем мы сейчас говорили.

– Но и о другом еще?

– И о многом другом еще, но я только отвечал вам на ваше опасение, что мы уклонились.

– А о другом мы не поговорим?

– Нет, нет, нет. Я и так слишком много сказал. Это, знаете, в балаганах так «зазывают» – клоуны и фокусники самые лучшие свои номера на крыльце показывают, а войдете внутрь – и смотреть не на что: уж все видели на улице. Нет, нет, любопытствуете, так можете почитать. Уж я в барабан бить не буду, как на французских ярмарках, расхваливая свой товар.

– А за вход что берете?

– Благотворительный сбор.

– В пользу?

– Доброжелательства, юмора, улыбки, смеха, красоты, памяти прошлого...

– Разве они нуждаются в поддержке?

– У нас, в России? А то!

– Против кого же?

– Против Задней Мысли.

– Ах она мерзкая!

– Мерзостная!!

- Так я вам с удовольствием... Сколько прикажете?
- По желанию.
- Все, что имею... Можно войти?
- Я начинаю!

Москва,

27 октября 1911